

Артем Тихомиров

Олимпия

Высшие и низшие, господа и рабы — вот истинный порядок вещей

Меандр Великий, законотворец

Часть первая

Страх

1

Лима хорошо слышала слова старого Полифема:

— ...нам снова объявили войну...

Она выглянула в дверной проем, чтобы узнать, с кем он разговаривает.

— Кому-то опять не повезет, — добавил старик, почему-то глядя на свои руки. Напротив него стояла Кадия, высокая илотка¹, переведенная недавно из Северного сектора². — Хорошо, что моя семья давно мертва... — По его губам пробежала бесцветная улыбка.

Не сказав ни слова, Кадия кивнула. На ее неподвижном лице тускло горели темные глаза. С первого дня она казалась Лиме просто живой куклой, которая делает только то, что надо и не выходит за рамки обязанностей. И лишнего слова от нее не услышать, тем более шутки или смеха.

На этом разговор закончился. Полифем оправил бороду и побрел по длинной дорожке, уходящей к дальнему краю купола. Уже через несколько шагов старик исчез за поротом, скрывшись в густых зарослях.

— Почему ты стоишь? — спросила Кадия. Она появилась прямо перед Лимой, и, застигнутая врасплох, девушка попятилась.

— Ничего...

Кадия взирала на Лиму с гневом и подозрением. Затем перевела взгляд на ее желтый комбинезон, расстегнутый на груди. Расстегиваться — не по форме. И подгибать штанины тоже. За это могут вклеить выговор или даже наказать штрафом, в иных случаях, нарушителю грозит трехдневный срок в тюрьме. К счастью для Лимы, до заключения дело еще не доходило.

Теперь, судя по взгляду Кадии, все могло измениться.

— Бездельничаешь, — прошипела та, качая головой.

— Вы донесете на меня? — спросила Лима.

Кадия прищурилась, бросила взгляд на щетку, которую девушка держала в руке.

¹ Илоты — жители секторов, поработанные олимпийцами. По социальному положению немногим выше рабов.

² Всего секторов четыре, и ориентированы они по сторонам света относительно Олимпии. Отсюда и соответствующие названия.

— Я наблюдаю за тобой все то время, как меня перевели. Твоя работа самая простая, но ты пользуешься любой возможностью делать ее плохо. — Она выставила указательный палец и нацелила его Лиме в грудь. — Простой убирай мусор!

Это была самая длинная речь Кадии с момента появления в оранжеее.

Подарив девушке презрительный взгляд, илотка повернулась, чтобы уйти, но неожиданно Лима схватила ее за предплечье.

Кадия замерла, превратившись в статую, и процедила:

— Что это значит? — Между словами она оставила достаточно места.

Но Лима не разжала пальцев.

— Я только хотела спросить, в каком секторе будет охота? Уже объявили?

В ответ Кадия вырвала свою руку и подошла к девушке вплотную, глядя сверху вниз.

— Ты, должно быть, выжила из ума, если ведешь такие разговоры!

— Я просто хочу знать. Это плохо? — спросила та.

Кадия поразились настолько, что долго не могла ответить.

— Тебе семнадцать лет, девочка, но ты... Эфоры³ никогда не говорят, где нанесут удар. Это случится в любом месте и в любое время...

Лима не сдавалась.

— Вы говорите неправду. В прошлом году объявили.

Кадия посмотрела по сторонам, точно боялась, что ее поймают на воровстве, но ее страх был не таким уж глупым. У любых стен бывают уши, говаривал отец Лимы, а у некоторых и глаза.

— В прошлом году... — Кадия понизила голос до шепота, еле шевеля губами, — Южный сектор был наказан за неповиновение.

— Какое?

Глаза высокой илотки сделались большими и круглыми.

— Как ты... как ты можешь задавать такие вопросы? Девочка, ты в своем уме? — Она подняла руку, чтобы пощупать ее лоб, но Лима мягко отстранилась.

— Не нужно. Вообще-то, я не сумасшедшая.

Здесь Кадия отшатнулась, из ее рта вылетел нервный смешок.

— Ага! Ага, я поняла! Ты провокатор! Но нет! Я ничего не говорила!.. Я всего лишь работаю! — Теперь она стала буквально серой от страха.

— Но постойте... — Лима шагнула к ней, хотя и сама не знала, что собиралась делать — может, обнять?.. — не нужно бояться... — она тоже перешла на шепот, — я не провокатор...

Кадия выпрямила спину. Теперь ее движения стали какими-то деревянными, резкими, она походила на марионетку, управляемую при помощи ниточек.

— Я только работаю! — громко сказала женщина, неизвестно к кому обращаясь, и быстро зашагала прочь.

Чувствуя стыд и досаду, Лима сделала последнюю попытку остановить ее, но Кадия уже ушла. Зеленые джунгли, буйно растущие под куполом, поглотили желтый комбинезон илотки.

Лиме ничего не оставалось, как только вернуться к работе.

Кадия не отличается от остальных, ей кругом мерещится опасность. Кто знает, что бедняжке пришлось пережить в прошлом...

Лима прикусила губу.

Итак, нацепить маску безразличия. Не выделяться, не провоцировать, не привлекать лишнее внимание. Отец неустанно твердит ей об этом, зная, насколько Лима бывает надоедливой и любопытной. Даже в свои семнадцать она зачастую вела себя как маленький ребенок, не в силах избавиться от старых привычек. Не пора ли вырасти и повзрослеть, наконец? Для илота,

³ Эфоры — выборные советники Верховного Правителя, как правило, представители олимпийских верхов. Их пятеро и они образуют Совет Эфоров, принимающий некоторые важные решения. В частности, в их обязанности входит ежегодное объявление войны илотам и организация охоты.

говорил отец, длинный язык — первейший враг, и чем раньше илот запомнит эту простую истину, тем лучше.

Лима понимала, что в очередной раз дала маху. Должно быть, Кадия думает о ней сейчас самое плохое. Прослыть провокатором куда хуже, чем быть им на самом деле...

Она вспомнила посеревшее от страха лицо женщины и почувствовала холодок, пробежавший на спине. О чем думала Кадия в тот момент? Какие воспоминания всколыхнул в ней этот безотчетный страх?

Нужно поговорить с Полифемом. Может быть, он, кому Кадия доверяет, замолвит за Лиму словечко?

Девушка огляделась. В этом отсеке оранжереи, разделенном надвое прозрачной перегородкой, больше никого не было. Во влажной и жаркой тишине звук пластиковой щетки давал громкое и неприятное эхо.

Лима подмела бетонную плиту по обеим сторонам от двери, собрала мусор в совок, и пошла к западной части отсека. Там стояла ее тележка с инструментами. Лима опорожнила совок в пластиковый пакет, развернула тележку и покатила ее через дверь во внутренний двор. Двор был заперт между четырьмя большими геодезическими куполами, которые полностью закрывали обзор, за исключением участка неба над головой.

Лима дошла до небольшого сарая с бетонными стенами, где хранился инвентарь уборщика. Открыв ключом, она толкнула тележку внутрь.

2

Места было мало, но как раз это Лиме и нравилось. Здесь никто не видел ее и не знал, чем она занимается. В своем убежище девушка могла хотя бы на время отгородиться от остального мира и просто посидеть в тишине. Лима считала, ей крупно повезло попасть в оранжерею, а не, скажем, на фабрику с ее шумом, грохотом и толпами людей. Там уже точно негде было бы уединиться.

На стене у полок висело сегодняшнее расписание. Лима взяла карандаш, сделала в нем пару отметок. После уборки ей предстояло носить мешки с грунтом. Работа нелегкая и однообразная — такую она оставляла на потом, если Полифем, руководитель всего хозяйства, не подгонял.

Чего же ей по-настоящему хотелось, так заниматься цветами, но для этого нужно учиться, стажироваться у мастера и получить квалификацию. Если все сложится удачно, в будущем она станет такой же, как Полифем. Даже в свои годы он не утеряти мастерства, и его руки были воистину волшебными. Сколько сортов цветов ему удалось вывести за свою жизнь? Наверное, Полифем и сам не помнит. Да, Лиме выпал счастливый жребий очутиться по его крылом.

Девушка сняла перчатки, положила их на полку и посмотрела на себя в зеркальце, висящее на стене. Комбинезон расстегнут. Не по правилам. Бесполезно объяснять, что в нем слишком жарко. Для поборников порядка, подобных Кадии, такие вещи, видимо, сродни кошунству. Особенно подвернутые штаны. Глупости какие... Вот Полифем никогда не делал ей глупых замечаний, зато всегда предупреждал, что может прийти проверяющий, которому лучше на глаза не попадаться.

Лима вздохнула и развернула штанины обратно. Ладно, если Кадия так хочет, она будет одета по форме.

Старик умел передвигаться бесшумно, и ему снова удалось застать Лиму врасплох. На стук в приоткрытую дверь она развернулась стремительно. Не то чтобы каждую минуту Лима ждала нападения, просто такая у нее была реакция.

3

— Я только на минутку зашла, — сказала девушка, беря другие перчатки, в которых было лучше таскать мешки. — Уже иду...

Старик покачал головой.

— Не торопись, Лима. Никуда твоя работа не убежит, — сказал он.

Девушка замерла.

Полифем осмотрел ее сарайчик и улыбнулся.

— Здесь довольно уютно, а я все думал, почему ты здесь отсиживаешься?

Лима кашлянула.

— Если вам это не нравится, я могу...

— Не бери в голову. Я не про это. — Старик взял стул, стоявший в углу, и сел на него, растирая колени. — Знаешь, думаю, мне надо ускорить твое обучение, — прибавил он, — хочешь?

— Еще бы! — выпалила она. — Конечно!

Полифем смотрел в пол, покачивая головой.

— Чувствую, мне осталось не так много... Пятьдесят лет среди цветов, а начинал я, когда мне было... двадцать. Как раз получил вольную, вместе с отцом. Он был рабом в Олимпии... Неплохо, да?

— Еще бы, — покраснев, отозвалась Лима. — Значит, вы научите меня всему?

— Сколько успею, — ответил старик. — Ты способная, хотя, надо заметить, бываешь удивительно безалаберной. Это поправимо, ничего. Причина в твоём неумном любопытстве, да?

— Да, — призналась Лима. — И отец так говорит. И все. И вечно я лезу куда не надо и задаю дурацкие вопросы. — Она попыталась найти его взгляд, но Полифем предпочитал смотреть в сторону. — Кадия рассказала вам?

— Да.

— Я извинюсь, — предложила девушка искренне, хотя эта мысль показалась ей вдруг нелепой. Извиняться? С чего вдруг? Вот если бы она и вправду была провокатором, то другое дело...

— Я побеседовал с Кадией, — заверил старик. — Объяснил, что ей нечего бояться.

Лима мяла в руках перчатки.

— Вы говорили про охоту, а я случайно подслушала. Думала, Кадия тоже кое-что знает.

Старик только сейчас посмотрел на нее.

— Ты больше не ребенок, тебе скоро восемнадцать. Понятно, ты имеешь право знать.

— В прошлом году охоту проводили в Южном секторе, — перебила его Лима, — а в этом нет?

— Прошлый год, — поморщился Полифем. — Прошлый год был плохим для Южного сектора. Их наказали за волнения, за неподчинение и дерзость. Эфоры решили официально объявить, кто будет целью, чтобы напугать смутьянов. Лишить надежды. Преподать урок другим секторам. Освежить в горячих головах мысль, что Олимпия сильнее всех и каждый, кто посягнет на ее власть, получит по заслугам. — Старик помолчал, разглядывая узоры на своих натруженных ладонях. Узоры эти напоминали трещины в земной коре. — Урок получился очень наглядным.

Лима помрачнела. Она помнила телетрансляции с охоты, которые нельзя было пропустить: за неисполнение этого закона полагалось наказание. Ей приходилось смотреть, как вооруженные до зубов гоплиты⁴ устраивали резню в домах илотов. Они просто приходили в какой-нибудь квартал и бросали жребий, кто будет жертвой сегодня. Дом могли сжечь вместе со всеми жителями, могли выволочь всех на улицу и отрубить несчастным головы перед толпой соседей.

Лима видела, как повесили целую семью с тремя маленькими детьми. Свидетели радостно хлопали расправе под дулами автоматов и благодарили убийц за оказанную честь.

⁴ Гоплиты — курсанты военных школ Олимпии

Обычно охота длится месяц. В последний день над главной улицей Блока 7, главного города Южного сектора, появился боевой вертолет. Он пролетел над толпой, идущей на работу на фабрику, поливая безоружных людей свинцом. Лиме это кровавое безумие снилось до сих пор. Части тел, кровь, реками бегущая вдоль тротуаров, и крик, такой, какой невозможно забыть никогда.

— Вы правы, — шевельнула Лима помертвевшими губами. Часто именно то, от чего хочешь избавиться всеми силами, никак не желает уходить. Видимо, резня в Блоке 7 останется с нею на всю жизнь. — Урок был наглядным...

Она сжала зубы. Ей вспомнилось лицо отца, когда он смотрел прямой эфир.... У Лимы не нашлось бы слов, чтобы его описать.

И с той поры отец изменился.

— В этом году новая охота, — сказал Полифем, возвращая Лиму из царства скверных грез. — Никаких особых условий еще не объявили, и, думаю, все пройдет по старой схеме. Просто никто не будет знать, откуда придет смерть и кто станет жертвой.

Особые условия по традиции оглашал Верховный Правитель. Чтобы принести илотам «радостную» весть, он сам выступал по телевидению. Лима помнила, например, что три года назад гоплиты, посланные в округа, убивали каждого десятого. Называлось это децимацией. Два года назад они отбирали для снятия кожи только мужчин тридцати лет. По словам Правителя подобные меры необходимы для усиления связи между илотами и их хозяевами, для упрочнения единства всех людей. В школе был даже целый курс по истории охот, полный кровавых подробностей и назидательных речей. Учительница, сама потерявшая когда-то всю семью, рассказывала детям, насколько важен этот старый обычай. Лима до сих пор не могла постичь, как можно спокойно говорить о таких вещах.

— Кадю перевели из Северного сектора, — тихо сказал Полифем. — Если бы она не была ценным работником, ее бы убили вместе со всеми.

— За что?

— Она жила в многоквартирном доме. Однажды нагрянула облава — каратели окружили здание, начали тотальный обыск, а потом вывели всех на улицу. Сверяли данные регистрации, одних отводили налево, других направо. Кадия оказалась в правой группе, и командир карателей объяснил им, что отобраны только представляющие ценность илоты. Левую группу расстреляли через минуту.

— За что? — повторила Лима.

Полифем повел рукой в воздухе, словно рисуя какой-то знак.

— Говорили, кто-то из своих донес, что в доме хранится опасная литература.

— И ее нашли?

— Нет. Насколько Кадии известно, — отозвался Полифем.

— А остальных... то есть «ненужных» убили в назидание?

— Как обычно.

— И ее семью?

— Да. Мужа и двоих сыновей-подростков. Лима, пойми, наконец, это норма жизни. Чем быстрее ты осознаешь, тем лучше.

Девушка уставилась на него, на миг ослепнув от немыслимого, ранее неиспытанного прилива ярости.

Но ярость ушла быстрее, чем Лима успела произнести хоть слово. Осталась только холодная дрожь в плечах.

— Мы — илоты. Наши жизни принадлежат Олимпии, — подытожил Полифем, говоря с ней, словно с глупым ребенком. — Я хочу, чтобы ты начала вести себя осторожнее. Не задавай слишком много вопросов, особенно говоря с людьми, которых не знаешь. Не поднимай опасных тем и не давай оценок, отличных от общепринятых. В каждой компании может найтись доносчик. Он отправит тебя на смерть за лишние сто грамм жира, добавленных к пайку, его не

остановит ни твоя молодость, ни твоя красота. Ценность жизни ребенка-илота еще меньше, чем илота-взрослого. Взрослый илот, обладающий нужными навыками, может спасти себе жизнь, подобно Кадии. Подросток без квалификации, как ты... легкая мишень. Я хочу, чтобы ты хорошо это запомнила. Твой отец наверняка говорил тебе то же самое...

Лима раздраженно выдохнула.

Говорил! Говорил и говорит постоянно! А теперь еще и Полифем.

Да, конечно, она знала, что илоту выжить нелегко, но такова уж была ее натура. Всякий контроль сверх меры, всякое давление всегда вызывало в ней бурю возмущения. Лима научилась сдерживать себя, но если бы кто-то знал, что, бывает, творится у нее в душе... Иногда она представляла, в кого бы превратилась, будучи олимпийкой. Чего могла бы достичь, имея настоящую свободу...

Опасные мысли. Опасные в любое время.

Впрочем, у илота есть шанс стать небожителем, но он слишком мал и для большинства совершенно недоступен. Лима ни разу не задумывалась над тем, чтобы сделать хотя бы попытку.

Девять илотов из десяти лишались жизни, едва ступив на дорожку, ведущую к вершине Олимпа.

Полифем протянул руку и сжал пальцы на запястье Лимы.

— Эта охота пройдет в независимости от наших желаний. Гоплиты утолят жажду крови и уйдут, а мы заживем по-своему. Так было всегда.

— Не всегда, — пробормотала Лима, но тут же прикусила губу.

Полифем прищурился, снисходительно улыбаясь.

— Знаешь, — сказал он, видя, как девушка смущена и зла на саму себя. — В древней истории больше вымысла, чем правды.

— Тогда... — Лима посмотрела на него. — Тогда зачем нам преподают ее?

— Что ты имеешь в виду?

— Нам рассказывают о существующих порядках, о том, как все начиналось и благодаря кому, но все мы знаем, что еще раньше было по-другому...

— Ах вот ты о чем, — пробормотал Полифем. — О мире до Великого Переустройства.

— Да. В те времена не было илотов и рабов. Олимпийцев тоже. Мы... — Лиме с трудом дались эти слова — из разряда наиболее опасных, за которые можно поплатиться очень жестоко!

— Мы же были свободны. Все мы... — прибавила она шепотом.

Старик поджал губы и повернул голову в сторону открытой двери сарайчика.

— Здесь нам лучше закончить.

Лима сжала челюсти. Да, она сделала глупость, и будь на месте Полифема ее учительница истории, выговором бы дело не ограничилось.

— Я только хотела сказать, что они могли бы вовсе убрать это из школьной программы.

— Упрямства Лиме было не занимать. — Разве воспоминания о былой свободе не дают нам надежду?

Полифем долго смотрел на нее, долго и пристально.

— В другое время, при других обстоятельствах твой ум и твое сердце сослужили бы тебе хорошую службу, — сказал он, поднявшись. — Но ты илотка. Ты собственность Олимпии. Так будет всегда. Помни, о чем я тебе говорил. — Старик вышел из сарайчика и посмотрел на небо. — Когда закончишь таскать мешки, приходи ко мне. Начнем заниматься садоводством вплотную. Ты поняла?

— Да, — буркнула Лима.

Полифем повернулся и зашагал к одному из куполов. Девушка наблюдала за ним, пока он не покинул внутренний дворик.

Лима села на освободившийся стул. Голова гудела, мысли двигались хаотично. Ей столько хотелось сказать, так много спросить, но Полифем просто оборвал разговор. Почему? Здесь никого нет, никто не подслушает. Конечно, у стен есть уши, однако Лима не верила, что в

оранжерее, где выращивают цветы, кто-то будет ставить аппаратуру для слежки. Тут и работают-то всего пять человек.

С некоторых пор отец тоже уходил от разговоров на опасные темы, хотя раньше, казалось, наоборот, стремился к ним. Словно ему было важно привить дочери определенный образ мысли, сделать так, чтобы она не выросла в безразличное, живущее в постоянном страхе существо.

Наверное, все изменилось после резни в Блоке 7. Лима не помнила, чтобы с той поры отец когда-то заговаривал о недозволенном, а когда она сама поднимала одну из «этих» тем, он стремился замять разговор.

Неужели он настолько боится? Отец, всегда казавшийся ей образцом мужества в любых ситуациях?

Теперь Полифем вел себя точно так же. Дойдя до определенной границы, он просто струсил.

Или, может, старик не настолько доверяет Лиме и опасается доноса?

Ерунда.

Лима встала и натянула перчатки. Раньше ей казалось, что когда она вырастет, многое встанет на свои места, что найдутся ответы на вопросы, которые ребенок разрешить не в силах... И вот ей почти восемнадцать, она на пороге окончательного перехода во взрослую жизнь, но ясности несколько не прибавилось. Лима не могла укротить хаос в своей голове, и никто не хотел дать ей совет. Все ограничивалось лишь увещеваниями не высовываться.

Часто однообразная и тяжелая работа помогала ей избавиться от назойливых мыслей. Так было и сейчас. Лима радовалась возможности сосредоточиться на чем-то, что не требует умственной усилий. Правда, к концу дня, когда куча мешков с грунтом перекочевала со склада в оранжерею, все тело у нее болело. Мышцы ныли, а кости, кажется, начали скрипеть.

Тем не менее, Лима пришла к Полифему в офис. Старик оторвался от компьютерного терминала, где тестировал программы климат-контроля куполов, и сказал:

— Не сегодня, Лима, иди лучше домой. Я тебя отпускаю.

— Я могу заниматься, — возразила девушка, уже собираясь устроить скандал.

— Завтра. Завтра мы начнем прямо с утра, — уверил ее Полифем, взглядом предупреждая возможную бурю возмущения.

Лима сдалась. В самом деле, таскание мешков изрядно ее утомило. Будет чудом, если завтра утром она без проблем встанет с постели.

Отвернувшись, старик добавил:

— Кстати, сегодня вечером обязательный просмотр обращения Верховного Правителя. Думаю, что-то про новую охоту. И будь осторожна.

Лима ничего не ответила и вышла за дверь с ледяным комком внутри. Все-таки обращение будет. Очередная порция «ободряющих» новостей для илотов, словно им мало все-то того ужаса, в котором они живут.

Она быстро переоделась, забросила рюкзак с вещами на спину и покинула оранжерею.

Блок, к которому была приписана Лима, официально именовался Блок 3 Восток, но илоты называли его просто — Город.

В далекие времена, до Великого Переустройства, на земле существовали самые разные города со своими названиями, но этот пережиток прошлого давно отброшен за ненадобностью. Все, кроме Олимпии, имело стандартизованное обозначение, состоящее, главным образом, из цифр. Например, дом Лимы обозначался: 5-4-15. Первая цифра — район, вторая — улица, третья — само строение. Планировка Блоков изначально предполагала строгую геометрическую

структуру, подобную сетке, и если посмотреть на Город с высоты, можно увидеть, что время почти не изменило ее. Лишь некоторые позже возведенные здания на окраинах разрушали математическую гармонию.

В центре Блока находилась Управа, в ней работали чиновники низшего уровня, из тех же илотов, прошедших кадровый отбор в Олимпии. В их обязанность входило четко выполнять спускаемые сверху предписания и помогать верховной власти во всех ее начинаниях на местах.

Здание Управы было стандартной по форме коробкой с небольшой площадью у главного входа. Посреди площади высилась каменная стела, символизирующая мощь Олимпии. В случае необходимости, она могла служить также в качестве эшафота, где казнили преступников. По словам отца, на его памяти экзекуция в Блоке 3 Восток была всего однажды: одного контрабандиста высекли кнутом у всех на глазах, потом застегнули ему ошейник и отправили в Олимпию. Там этот человек должен был провести остаток дней в рабстве.

Лима спросила тогда, что значит «контрабандист». Отец объяснил: тот бедолага ввозил в Город украденную со складов провизию и организовал самый настоящий черный рынок сухих пайков. Еще легко отделался, заметил тогда отец, а могли и голову отрубить или живьем содрать кожу. В общем, эшафот на главной площади Блока бездействовал, что никогда не было предметом скорби горожан. Смертей и бесчинств со стороны олимпийцев им и так хватало.

Оранжерея находилась в полутора километрах от городской черты. Поблизости не было жилья или других предприятий, только лес и поле. Когда Лима впервые увидела это место, то подумала, что вытянула счастливый билет. Кто из чиновников в Управе наугад выбрал ее карточку из общей кучи, она не знала, но его рука оказалась легкой. Лима боялась попасть на фабрике и всю жизнь провести на отупляющей однообразной работе. Она хорошо знала, каково это. Фабрика убила ее маму. Причиной смерти врач назвал переутомление и злокачественное малокровие, нарушившее работу сосудов головного мозга. Медицинская помощь в Блоках всегда поддерживалась на низком уровне, и не могло быть и речи о лечении таких тяжелых больных. Врач откровенно признал, что бессилен. Хорошее питание в самом начале болезни могло бы остановить процесс, но паек, выдаваемый хозяевами, был откровенно убогим. Что до денег, то платили илотам мизер, которого едва хватало на всякие мелочи вроде предметов личной гигиены.

В общем, отец сделал все, чтобы спасти маму. Лима видела, как отчаянно и мужественно он бьется с бедой, но все оказалось бесполезно. Тетя Лимы, его сестра, помогала, чем могла, хотя ее семья нуждалась не меньше.

Вереница отчаянных дней закончилась, когда у дома номер пятнадцать остановилась черная машина похоронной команды. Она забрала тело мамы. Илотам не позволялось хоронить своих мертвых. Их отвозили в крематории, где сжигали, чтобы потом пустить пепел на удобрения.

Лима смутно помнила тот день, он прошел для нее словно в тумане. Сильнее всего запомнилась тупая ноющая боль в груди и страх, серый, обволакивающий, не имеющий границ. Страх, заполонивший для Лимы весь мир.

Прошло шесть лет. Время поработало над ее душевными ранами, но кровоточить они не перестали. Достаточно было незначительного толчка, чтобы воспоминания вспыхнули с прежней силой. К счастью, ненадолго. Лима научилась худо-бедно с ними справляться.

До Города она обычно добиралась на автобусе, в который садилась на пустынной остановке у края шоссе. Встав под бетонный навес, она заметила, как первые капли дождя мелькают в воздухе. Ветер задул сильнее, заставляя Лиму поднять капюшон куртки. После разнообразного и насыщенного цветами мира оранжереи все кругом казалось тусклым и противным. Хотелось закрыть глаза, чтобы ничего этого не видеть.

Автобус прибыл минут через десять — старая колымага, раскачивающая на ходу, точно баркас на сильных волнах. Выпустив в Лиму облако выхлопных газов, он открыл двери.

Девушка вошла, наверху задержалась, показав свою проездную карточку считывающему устройству, светящему злым красным глазом. Водитель, женщина с круглыми щеками и пустым взглядом, никак не отреагировала на ее появление. Лима прошагала по проходу между сиденьями и заняла место наугад, возле окна. Автобус оказался совершенно пустым. Что ж, толика везения иногда перепадает и ей.

Слыша скрип и скрежет, Лима отвернулась и стала смотреть в окно, прочерченное блестящими линиями крошечных капель. Автобус некоторое время катил на запад, по прямому, как палка шоссе, и пока он не повернул направо, Лима не могла видеть привычный силуэт Олимпии.

Гигантский конусообразный город почти скрылся в серой дымке, его вершина и вовсе терялась в облаках. Там жили самые могущественные олимпийцы — Верховный Правитель, эфоры, знать. Там они проводили всю жизнь, взирая на ничтожных илотов сверху вниз и решая их судьбы. Вершина этой искусственной горы стала несокрушимым оплотом небожителей, и даже рядовые олимпийцы из нижних уровней, мало что знали о нем. Своя иерархия существовала и у хозяев, однако, в отличие от илотов, жители Олимпии могли менять свое положение в ней. Солдаты или ученые, чьи достижения имели ценность для правящей элиты, вознаграждались более высоким статусом. С низших уровней чемпионы продвигались вверх, но добирались не все — конкуренция между олимпийцами была жестокой. В иных случаях не обходилось и без убийств, и особо рьяных охотников до благ не останавливали даже суровые законы. Кому надо, тот все равно пройдет по головам, сказал однажды отец Лимы. Он редко говорил про Олимпию, но каждый раз в его глазах вспыхивала ненависть, чистая и ничем не замутненная. Это то, что остается лишенным практически всех прав илотам: ненавидеть. Этого чувства не в состоянии у них отобрать никто.

Взгляд Лимы всякий раз возвращался к Олимпии. Блок 3 Восток входил в число городов, расположенных довольно близко к ней, и в ясную погоду, при ярком солнце, громадный конус можно было рассмотреть во всех деталях.

Цитадель страха не давала илотам забыть о себе ни на секунду. Всякий раз, выходя на улицу, это первое, что видит человек, и последнее перед тем как вернуться домой и задернуть шторы. Лима нередко отчаянно завидовала тем, кто живет далеко или кому повезло оказаться за высокими холмами, лесом или горной цепью. И им куда реже приходится наблюдать за вертолетами олимпийцев, снующими в небе, и гадать, куда и зачем они летят. Начнут ли обстрел или просто высадутся в Блоке, чтобы прогуляться. Неизвестно еще, что хуже. От обстрела можно спрятаться, но от банды скучающих гоплитов, прилетевших на сафари, просто так не уйдешь.

Лима стремится избавиться от тяжелых мыслей, но это непросто. Внутри нее все холодеет.

Автобус подпрыгивает, катя по разбитому асфальту, который никто и не думает ремонтировать. Всюду выбоины, трещины, а в дырах полно грязной воды.

Город. Окраины. Здесь вид у домов и улиц самый ужасный, здесь царит отчаяние и нищета. Сюда приходят доживать свой век самые бедные илоты, те, что потеряли все, отсюда вывозят больше всего трупов.

Мусор, бродячие псы, грязные дети, бесцельно шатающиеся люди, похожие на мертвецов. Лима видит такое каждый день, когда едет на работу или возвращается с нее.

Она закрывает глаза, прислушиваясь к ноющему звуку, который издает мотор колымаги.

Автобус проходит перекресток и замирает со стоном. Следующая остановка Лимы. В открытые двери влезает семь человек, быстро рассаживаются по местам. Водитель недолго ждет и едет дальше, однако уже через двадцать метров мотор глохнет. Из глоток пассажиров

вырывается слитный вздох отчаяния. Женщина за рулем открывает двери: ясно, автобус дальше не поедет.

Не говоря ни слова, илоты выбирают наружу. Лима выходит последней. Ждать следующего транспорта бессмысленно, значит придется идти пешком, а это целых три квартала. Но много ли у нее вариантов? Оглядевшись, Лима сходит с тротуара на проезжую часть. Здешняя убогая серость, запущенность и зловещая тишина, изредка прерываемая криками или собачьим лаем, всегда действовала ей на нервы. По своей воле она не пробыла бы здесь и двух минут.

Очутившись на другой стороне улицы, Лима шагает вдоль стены здания. Автобусы ломаются здесь довольно часто, и на этот случай у нее есть собственный маршрут. Если идти переулками, обходя основные улицы, можно неплохо срезать.

Дойдя до перекрестка, она повернула налево. Узкий проход между жилым многоквартирным домом и складом тянулся метров на тридцать и соединялся с внутренним двором. Здесь со склада забирали продукцию, места с лихвой хватало даже для маневров грузовых машин. Правда, чтобы попасть туда, Лиме нужно будет пробраться через дыру в сетчатом заборе.

Девушка обрадовалась дыре как старому знакомому — очевидно, никто эту лазейку до сих пор не заметил.

Теперь склад был от нее по правую руку. Достаточно пройти еще метров тридцать, чтобы попасть на улицу, но Лима вскоре осознала, что эта простая задача может оказаться неосуществимой.

5

Гоплиты застали ее на открытом месте — она добралась только до середины двора, а они вырулили вчетвером из проулка слева...

Погруженная в свои мысли, Лима ничего не видел и не слышала. Олимпийцы стремительно отрезали ей путь в обе стороны. Слишком поздно она осознала, что случилось.

Первой ее реакцией было бежать. Заметив перед собой рослую фигуру, Лима сходу развернулась на сто восемьдесят градусов, но сзади уже стоял другой гоплит. И еще двое замыкали полукруг. Двигались они с обманчивой медлительностью опытных хищников, абсолютно уверенных в своей власти над жертвой.

Попалась...

Позади Лимы высилось здание, а вокруг пусто, ни одной живой души. Как назло, сегодня склад не работал, и погрузка-отгрузка не производилась.

Лима даже не могла сглотнуть, настолько жестко страх перехватил горло. Задрожали ноги, грозя подломиться, а в животе взорвался вулкан. Она сделала шаг назад, упершись рюкзаком в стену.

Ей легко было представить себя со стороны: выбеленное лицо, бессмысленные вытупленные глаза.

Почему сейчас?

Дурацкий вопрос. Будто в какое-либо другое время встреча с гоплитами может сулить что-то хорошее.

Но сознание продолжало искать зацепки. Уговорить их отпустить ее? Умолять? Пытаться бежать? Вот был бы здесь папа, он бы, наверное, помог.

С другой стороны, Лима понимала, что даже он бы ничего не сделал. И никто не сделал бы, даже полиция, по закону обязанная не вмешиваться в дела олимпийцев. На помощь других илотов рассчитывать тоже нельзя. Случись такое на оживленной улице, свидетели просто разбежались бы кто куда.